

DOI 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-164-177

УДК 81:39+811.161.1'282.2(470.1/.2)

Ольга Анатольевна Теуш

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7273-6629
E-mail: olga.teush@yandex.ru

**Традиционные технологии
и предметы промысловой деятельности
коренных народов и русского населения
Европейского севера России
(по лингвистическим данным)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются лингвистические данные, соотносимые с традиционными промыслами населения Европейского севера России, производится этимологическая интерпретация лексем: выявляются заимствования из языков народов Европейского севера России. По результатам лингвистического анализа сделаны выводы о технологиях, используемых севернорусскими и финно-угорскими (прибалтийско-финскими, волжско-финскими, саамскими, пермскими) промысловиками в создании инвентаря для промыслов, определены технологии промысловой деятельности. В работе также описываются традиции рыболовного промысла, характерные для изучаемого региона. Выявляются названия рыболовных судов, с ориентацией на особенности техники изготовления и специфику использования лодок и ботов интерпретируются лексические обозначения судов. При описании устройства лодок вычлняются лексемы финно-угорского происхождения, обозначающие киль и детали (ребра корпуса, настил) внутреннего каркаса лодки. При исследовании номинаций рыболовных снастей выявляются предметы промысла, соотносящиеся как с прибалтийско-финской, так и с саамской традициями. Автор описывает различные типы рыболовных сетей, ловушек, их части, дает этимологию их лексических наименований. Приводится извлекаемая из лексических данных информация об охотничьем промысле, который по своему типу является пассивным. Рассматриваются особенности инвентаря охотничьей деятельности (типы устанавливаемых ловушек, арканы, ловчие ямы). Этимологически интерпретируются наименования предметов снаряжения (различных типов лыж и экипировки) охотника. Автор привлекает к анализу и описывает значимые для промысловой деятельности этнографические и фольклорные данные.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский север России, технологии промыслов, финно-угро-самодийское население, русское население, диалектная лексика, языковые контакты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Теуш О. А. Традиционные технологии и предметы промысловой деятельности коренных народов и русского населения Европейского севера России (по лингвистическим данным). *Кунсткамера*. 2023. 2(20): 164–177. doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-164-177

Olga Teush

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7273-6629
E-mail: olga.teush@yandex.ru

**Traditional Technologies
and Objects of Fishing Activity
of Indigenous Peoples and the Russian Population
of the European North of Russia
(according to Linguistic Data)**

ABSTRACT. The article examines linguistic data correlated with the traditional crafts of the population of the European North of Russia. The etymological interpretation of lexemes is carried out: the languages of the peoples of the European North of Russia, which served as sources of borrowing, are identified. According to the results of linguistic analysis, the technologies used by the Northern Russian and Finno-Ugric (Baltic-Finnish, Volga-Finnish, Sami, Perm) fishermen in the creation of inventory for crafts are identified, techniques for carrying out fishing activities are determined. The fishing traditions characteristic of the studied region are described. The names of fishing vessels are revealed: lexical designations of vessels are interpreted with a focus on the peculiarities of manufacturing techniques and the specifics of the use of boats and bots. When describing the device of boats, lexemes of Finno-Ugric origin, denoting the keel and details (hull ribs, flooring) of the inner frame of the boat, are singled out. In the study of fishing tackle nominations, the objects of fishing that correspond to both the Baltic-Finnish and Sami traditions are identified. Various types of fishing nets, traps and their parts are described. The origin of lexical names is etymologically interpreted. The information extracted from lexical data about the hunting industry, which is passive in its type, is given. The features of the hunting activity inventory (types of traps, harnesses, hunting pits) are considered. The names of the items of equipment (various types of skis and gear) of the hunter are etymologically interpreted. Ethnographic and folklore data significant for commercial activity are indicated.

KEYWORDS: European North of Russia, fishing technologies, Finno-Ugro-Samoyed population, Russian population, dialect vocabulary, language contacts

FOR CITATION: Teush O. Traditional Technologies and Objects of Fishing Activity of Indigenous Peoples and the Russian Population of the European North of Russia (according to Linguistic Data). *Kunstkamera*. 2023. 2(20): 164–177. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-164-177

Территория Европейского севера России, считающаяся зоной практически непригодной для земледелия, в хозяйственном отношении освоена прежде всего как промысловый регион. С древнейших времен основными занятиями жителей являлись различные виды промысловой деятельности, в первую очередь охота и рыболовство. Поскольку коренным населением территории было финно-угро-самодийское, технологии промыслов, и предметы, и орудия, используемые в этой деятельности, разработаны исконным населением и впоследствии восприняты русскими переселенцами. В статье освещаются выявленные специфические реалии промысловой деятельности жителей Европейского севера России. С использованием лингвистических данных определяется происхождение традиционных для этого региона предметов и технологий, описывается финно-угро-самодийское наследие. Лингвистический материал представлен алфавитным фрагментом «К», выявленным в ходе работы над составлением второго тома «Материалов для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера (-К-)» (подготовлен к печати).

Основным видом промысловой деятельности жителей Европейского севера России является рыболовство. О значении этого вида промысла свидетельствует пословица «Как озеро располется [то есть вскрыется. — *О. Т.*], так и квашоночка растворится» (Логинов 2006: 108). Поскольку водоемы, на которых производится вылов рыбы, многоводны, при лове используются предназначенные для этой деятельности суда. При выходе на рыбацкой лодке в водоем «призывали» ветер: «Ветры-воронюшки, пособите дружки!» (Арх.) (Картотека СГРС¹).

Русское обозначение *кареводница* ‘тесовая рыбацья лодка на двух человек’ (Влг.) находит соответствие в морд. *каравтомс* (понудительном к *карамс* ‘долбить, выдалбливать’), *каравкс* ‘углубление’ (Эрзянско-русский словарь 1993: 234). Синонимичное *каю́ра* ‘небольшая лодка, сшитая из теса’, имеющее дериваты *каю́рка*, *каю́рочка* и вариант *кою́ра* (Влг.), интерпретируется из саам. *kai'ra* ‘расширение куска ткани или покрытия шалаша’, *kaira* ‘пришитый клин ткани’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 143), ср. контекст: «С каюры рыбу вершам ловили, и корма вострая, и нос вострый» (д. Мыс). Во внутренней форме обозначения заложена семантика формы.

Небольшое рыболовное судно, бот имеет название *ковосáк* (Арх.). Если запись этого слова — отражение оканья, то в качестве исходной можно предполагать форму **кавасáк*. В этом случае лексему можно рассматривать как прибалтийско-финское заимствование. Первая часть слова *ково-* ((**кава*) может быть сопоставлена с фин. *kava* ‘кривой, загнутый крючком’, ‘что-то изогнутое’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 175). Вторая часть *-сак* находит соответствие в фин. *saakki* ‘тонкая, довольно короткая остроконечная палка’, ‘большая палка’, ‘остроконечный не прямой рог оленя’, ‘шип’ (Suomen kielen 1958–1981, 4: 934). Лингвистическая информация позволяет реконструировать внешний облик лодки: *ковосáк* — это рыболовное судно с острым поднятым вверх носом.

Традиционная для Европейского севера России лодка-долбленка — это *кочь* (Арх.). Родственные обозначения — *кóча* ‘большая лодка’ (Арх.), ср. также: *кóча* ‘сиденье в лодке’ (Арх.). Учитывая особенности технологии изготовления судна, источник заимствования следует усматривать в коми *кóтиш*, *котиш*, диал. *кóтиш* ‘часть избы под палатами около двери; задний угол’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 173), *котиш сае усні* ‘упасть в яму, вытопанную скотом в хлеву, или в борозду (о лошади)’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 167), *вом кóтиш* ‘угол рта за щекой’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 58) ~ *кóдж* (*пывсян кóдж*, *пылсян кóдж*, *пыысян кóдж* ‘предбанник’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 295), которые родственны *котишкыны*, *котишкыні* ‘стукнуть твердым по твердому, ударить (например, по голове)’, ‘стукать, постукивать, работать со стуком’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 167), *котишавны* ‘слегка ударить, стукнуть’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 168), ⟨ общеперм. **кож* ‘изгиб, излучина, угол’, ⟨ доперм. **кожкз-* (Лыткин, Гуляев 1999: 138).

¹ Картотека материалов к «Словарию говоров Русского Севера» (2001–2018; на данный момент изданы тома 1–7) хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ. Основу картотеки составляют полевые материалы, собранные в ходе работ Топонимической экспедиции Уральского университета в 1961–2000 гг. на территории Архангельской и Вологодской областей. Все материалы и примеры в статье с пометами «Арх.» и «Влг.», если не указано иное, взяты из данной картотеки.

Части лодки, специфика изготовления которых связана с природными условиями Севера, также номинируются заимствованными лексемами.

Наиболее широко используется рыболовецкий термин *корг* ‘переходящий в нос (реже — в нос и корму) киль лодки, вырубленный из цельного изогнутого древесного ствола’ (Арх.; Влг.) с синонимичными вариантами и производными *кóрга*, *коргá* (Арх.; Влг.), *кóржик*, *коржók*, *корюга* (Арх.), ‘нос, носовая часть лодки’ (Арх.), в том же значении также *коргá*, *коржók* (Арх.), ‘колышек на носу карбаса, за который цеплялся канат при подтягивании карбаса к берегу’ (Влг.), значение отмечено также у *коргá* (Арх.), *коржók* (Арх.). Дериват *коржók* встречается и в значении ‘корма лодки’ (Арх.).

Для *корг* и вариантов нужно предполагать прибалтийско-финское или саамское происхождение, ср. фин. *korva* ‘ухо’, ‘ручка, рукоятка’, ‘дуга мережи’, ‘край’, ‘место вдоль чего-либо’, карел. *korva* ‘ухо’, ‘край, конец, предел’, лив. *korvu*, люд. *korv*, *korve* ‘ухо’, ‘расстояние, промежуток между подпорками стога’, вепс. *korv* ‘ухо, ушко’, ‘торцовая с развилкой подпора для зарода’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 221), саам. *goarve*: *bæl'ljě-goar've* ‘хрящ ушной’, ‘контур хряща уха’, *kårve* ‘лодочная уключина’, *koarv* ‘жердь-подпора, именуемая развилку’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 221). Преобразование **корв(а)* > **корг(а)* произошло на русской почве в результате дистантного уподобления звуков.

Саамского происхождения лексема *корулина* ‘киль лодки’ (Влг.); ср. саам. *kõärvě* ‘жердь с развилкой для подпоры’, *kårve* ‘лодочная уключина’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 221; Suomen sanojen 1958–1981, 1: 408). Отмеченные в Плесецком районе Архангельской области *күйва*, *күйба* ‘киль лодки’ вепсского происхождения; ср. вепс. *kuivač*, *kuivič* ‘высохшая ель’, ‘сухая еловая ветка’ (Зайцева, Муллонен 1972: 240) (~ фин. *kuiva*, карел. *kuiva*, лив. *kuivu*, люд. *kuiv*, вепс. *kuiv* ‘сухой’, эст. *kuiv* ‘сухой’, ‘тощий’, ‘сушь’) (Suomen kielen 1958–1981, 2: 231). Киль придает лодке устойчивость и обеспечивает прочность корпуса судна, поэтому важно изготовить его из хорошо просушенного дерева.

Частной реализацией инструментальных значений исходного прибалтийско-финского источника (ср. фин. *kurki* ‘рукоятка плуга’, ‘подъемный кран’, *kurkiainen*, *kurkihirsi* ‘коньковый брус’, ‘матица’, см. Вахрос, Щербаков 2002: 280; Ягодкин 1997: 150) стало заимствованное *кúрга* ‘колышек на носу карбаса, за который цеплялся канат при подтягивании карбаса к берегу’ (Влг.). При этом веревка, с помощью которой якорь крепился к носу лодки, обозначается заимствованной из саамского языка (ср.: *kõll'čõs* ‘повод, ремень’, см. Suomen kielen 1958–1981, 2: 212) лексемой *колóвик* (Влг.).

Внутренние ребра корпуса лодки имеют диалектное обозначение *кáры* (Влг.). Слово заимствовано из прибалтийско-финского источника; ср. фин. *kaari* ‘дуга, изгиб’, ‘шпангоут’ (Вахрос, Щербаков 2002, 182), фин. *kaari*, карел. *koari* ‘дуга, изгиб’, лив. *kāre*, люд. *kuar(i)*, *koar(i)* ‘упруга в лодке’, вепс. *kār*, *kar* ‘дуга (лодки, саней и т. д.)’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 135). Распространение лексемы свидетельствует в пользу заимствования из вепсского.

С меной *к'/m* к *тёлдас* ‘настил в лодке’ (Арх.) (Даль 1955, 4: 396; Подвысоцкий 1885: 171), которое заимствовано из саам. *tj̄lDaš* ‘длинный настил (на полу в лодке), сделанный для того, чтобы не намокали вещи’ (Itkonen 1958: 597) (ср. также родственные карел. *tel'l'o*, люд. *t'ell'*, фин. *teljo* ‘скамья, банка в лодке’, см. (Kalima 1919: 224–225), восходит *кёлдас* ‘деревянный настил на дне лодки’ (Арх.), отмечаемое в результате варьирования по роду также в варианте *келдасá* (Арх.).

Наименование плохо сшитой лодки *корáс* (Арх.) имеет прибалтийско-финские истоки, ср. фин. *korja* ‘ездовые дорожные сани’, ‘спинка саней, стула’, *korjalaudat* ‘(саней) обшивка по краям’, карел. *korja*, лив. *korju* ‘ездовые сани’, вепс. *korj*, *korī* ‘дощатые зимние сани’, ‘зимние сани’, эст. диал. *korī* ‘спинка саней, тележки, стула’, *koor* ‘спинка саней’, *korjas*: *ree korjaksed* ‘две длинные жерди, подбивающие сани’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 218). Производность названия лодки от наименования саней объясняется тем, что у северных народов зимние сани делались в форме лодки, к носу которой привязывалась веревка, прикрепляемая к упряжи оленя.

Рыболовные снасти, используемые жителями Европейского севера России, чрезвычайно разнообразны: от больших установочных сетей до ловушек и удочек. «Изготовлением и ремонтом рыбацких снастей... занимались с наступлением зимы. (...) Образовавшийся мусор каждый вечер заматали в угол избы («Чтобы рыба ловилась грудно»)» (Логинов 2006: 113).

Из крупных снастей наиболее распространен *керекóд* — рыболовная снасть с крупной ячеей, разновидность невода (Влг.), иначе называемый *керекóт* (Влг.), *керевóд*, *керевóд* (Арх.). Истоки лексемы вепсские, ср. вепс. *keřekod* ‘сеть для ловли ряпушки’ (Зайцева, Муллонен 1972: 196). В форме *керевóд* проявляется уподобление русскому *невод*. Для лексемы *керевóдница*, обозначающей вид рыбацкой лодки (Влг.), нужно восстанавливать исходную форму **керевóдница* (лодка для установки керевода). Значение лексемы *керегóд* (способ расстановки укладок снопов льна) (Арх.) метафорично: «Бабки (снопы льна) керегодом стоят, баски (красивые) таки» (д. Козьино). При выезде на установку невода не отплывали от берега, пока на берегу находится человек, не занятый какой-либо работой или стоящий у воды с пустыми ведрами.

Мотня невода носит название *киян* (Влг.), которое соотносится с фин. *kiita* ‘рыболовная ловушка, плоская планка, внутреннее кольцо в рыболовной ловушке’, определяемым как заимствование из скандинавских языков (Suomen kielen 1958–1981, 1: 192). Поскольку финно-угорские истоки слова несомненны, нужно думать о позднем проникновении лексемы в русский язык через профессиональную терминологию рыболовов.

При зимнем лове рыбы используется шест для провода невода подо льдом, который носит название *кóлбал* (Влг.). Вариант этой лексемы *кóлбол* имеет более общее значение ‘длинный шест’ (Влг.). Вариации слова в русских диалектах разнообразны: *кóлбала*, *кóлболо* (рабочая часть рыболовного ботала), *кóмбало* (используемая при зимнем лове рыбы жердь, составленная из нескольких палок-звеньев), *кóмпало* (отдельное звено жерди, используемой при зимнем лове рыбы) (Влг.). Лексема саамского происхождения: первая часть *кол-* < саам. *kuolle*, *kuall̥e*, *kuall̥e*, *kuall̥e*, *kūall̥e*, *kūall̥e*, *kūll̥e*, *kūll̥e*, *kūll̥e*, *kiřalla* ‘рыба’ (Itkonen 1958: 172); вторая часть *-бал/-бол/-нал-* < саам., ср. *pālkvš*, *pālkas*, *pāl̥kkaz*, *pālkas*, *pał̥kkaz* ‘жердь, слега (для сушки морской рыбы)’, ‘вертел’ — горизонтальная жердь, укрепленная на расстоянии от пола (Itkonen 1958: 336).

Вепсские истоки у *кэрбушка* (центральный большой поплавок невода) (Арх.): < вепс. *kerbas*, *kervas* ‘круто, туго (скручивать нить, веревку)’ (Зайцева, Муллонен 1972: 195), *kerv* ‘туго скрученный, свитый (о нитке, веревке)’ (Зайцева, Муллонен 1972: 194) — производным от глагола *kertta* ‘крутить, сучить’, ‘вить’, ‘скатывать (в комок)’ (Зайцева, Муллонен 1972: 197). Соотношение семантики языка-источника и значения, указанного для *кэрбушка*, проявляется через варианты *күрбас* (грузило рыболовной ловушки, сети или невода, глиняное или из камней, зашитых в холст или обвитых берестой) (Арх.), *күрбасьё* (Влг.), *күрбушка* (Арх.) — берестяной или деревянный поплавок. Каменные грузила, обернутые берестой, обнаружены археологами при раскопках древних карельских поселений (Кочкуркина 1982: 158).

В различных районах Европейского севера России используется обозначение *күбас* (центральный поплавок невода, указывающий местоположение рыболовной снасти) (Арх.; Влг.). Лексема отмечена в различных вариантах: *күбеш* (Влг.), *күбис* (Арх.), *күбиш* (Арх.; Влг.), *күбос* (Влг.), *күбош* (Арх.), *күбыш* (Влг.), — и варьируется словообразовательно: *күбасно* (Арх.). Местоположение рыболовной снасти могло быть обозначено также установкой воткнутого в дно шеста: *күбас* — палка, указывающая место, где поставлены сети (Влг.). Реже лексема *күбас* обозначает любой поплавок из бересты или дерева (Влг.). Для варианта *күбас* отмечается также значение ‘бакен’ (Влг.). Несомненны прибалтийско-финские корни слова, ср. фин. *kuvas* ‘поплавок сети, невода’, карел. *kubaš*, *kuvash*, лив. *kuvas*, люд. *kubas*, вепс. *kubaz* ‘знак местонахождения рыболовной ловушки’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 253). Распространение слова и русского *б* в соответствии с приб.-фин. *-v/-b-* свидетельствует в пользу вепсского или карельско-людиковского происхождения. Формы с финальным *-ш* — карельские. Этимология предложена Я. Калима (Kalima 1919: 134), см. также: (Фасмер 1964–1973, 2: 395; Аникин 1997: 311).

Поскольку поплавки делались из берестяной ленты, которая распаривалась и скручивалась в тугой свиток, этимологически лексема *кичевіца* (берестяной поплавок) (Арх.) интерпретируется как заимствование из вепс. *kičerk* 'изогнутый' (Зайцева, Муллонен 1972, 204). Вепсские корни также у *кибрик* (поплавок для небольших сетей) (Арх.): < вепс. *kibrík* 'поплавок для сетей' (Зайцева, Муллонен 1972: 202; Suomen kielen 1958–1981, 1: 196), которые имеют соответствие в фин. *kipru* 'свернутый из бересты поплавок сети' (Suomen kielen 1958–1981, 1: 196). Номинацией по форме объекта в языке-источнике является также *курók* (берестяной поплавок у мережи) (Арх.): < приб.-фин., ср. фин. *kurra, kurru* 'диск, шайба, тарелочка' (< норвеж. диал. *kurra, kurrå, kurro* 'диск, шайба, тарелочка', 'берестяной витой сети поплавок', 'кольцо лыжной палки') (Suomen kielen 1958–1981, 2: 246).

В результате переноса по смежности на русской почве трансформировалось значение лексемы *кивжа*, *кивжá* (веревка, за которую тянут невод) (Арх.): < саам. *k'ievtvž, k'ēptvš'* 'берестяное грузило сети, невода', *k'ēptvš'èD* 'с привязанными грузилами (сеть, невод)' (Itkonen 1958: 126).

Знаком, указывающим на местоположение рыболовной снасти, могла быть деревянная крестовина, привязываемая к верхней тетиве сети, которая носила названия *кунгá*, *кúньга*, *куньгá* (Влг.) (< приб.-фин., ср. фин. *kunne*, род. п. *kunteen* 'ложбина, которая формируется, например, при сжатии веревки рукой', 'вмятина на железном листе', 'сделанная ударом молотка выемка в дереве' (с восстанавливаемой формой **kunta-*), с которой также может быть связано диал. *kuntia* 'брат, хватать' (Suomen kielen 1958–1981, 2: 238). В русских диалектах в лексеме произошел переход **кунда* > *кунга* как результат межслового уподобления согласных. Распространение лексемы *кúньга* и ее вариантов позволяет предложить и другую этимологическую версию: слово могло быть заимствовано из морд. эрз. *кундо* 'крышка (сундука, кадки)', 'рамка (портрета)', 'сруб (колосца)', *кундт-кандт* 'сваленные деревья', 'бревна' (Эрзянско-русский словарь 1993: 314).

Особое название имел затянутый узел на тетиве сети: *кажболо*, *качболо* (Влг.). Компонент *каж-/кач-* < приб.-фин., ср. фин. *kasa* 'куча', *kaso* 'куча, гряда', 'поленница', 'суслон', *kasata, kasoa, kasota, kasottaa* 'собирать, складывать, сложить на хранение', карел. *kaža* 'куча (хлеба, поленьев, травы)', *kažattu-* 'складывать (хлеб, срубленные жерди)', лив. *kazavuo*, люд. *kazattuda* 'отвердевать, сохнуть' (Suomen kielen 1958–1981, 1: 167). Вторая часть лексемы *-боло* сопоставима с фин. *pola* 'крюк рыболовной или охотничьей ловушки', 'палочка или поплавок, обозначающие местоположение сети', 'рыболовная ловушка, к которой на веревке крепится плавающая знаковая палочка, поплавок-крючок', 'сетевой колышек', *polo* 'крюк рыболовной ловушки', 'деревянный знак на рыболовной ловушке', люд. *роло* 'палочка, которая скользит по веревке' (Suomen kielen 1958–1981, 3: 594). Распространение слова свидетельствует о его карельско-людиковском происхождении.

Для изготовления грузил рыболовных снастей использовали специальные технологии: собирали мелкий галечный камень и, поскольку для крепления к сети необходимо было бы просверлить в нем отверстие, что технологически сложно, оборачивали камень берестой или тканью и привязывали к сети шнуром. Такое грузило именовалось *кибас* (Арх.; Влг.). Лексема широко распространена в различных фонетических и словообразовательных вариантах: *кабáсье*, *ка́бис*, *кабисóк*, *кабисьé*, *кабы́ш*, *ке́бас*, *кибáс*, *кибасóк*, *кибасье* (Арх.), *кибáсье*, *кибасьé* (Арх.; Влг.), *ки́бат*, *кибатóк*, *кибáчье*, *кибачьé* (Арх.), *ки́бос*, *ки́вес*, *ки́веса*, *ки́екса* (Влг.), *ки́нас* (Арх.), *ки́нут*, *ки́якса* (Влг.), *кобéс* (Арх.). В ряде диалектов *кибасом* стали называть и берестяной или деревянный поплавок (Арх.). В этом значении лексема также широко варьируется: *кибáс*, *кибасóк* (Арх.), *кибáсье* (Арх.; Влг.), *кибасьé*, *кипасóк* (Арх.). Человек, делающий грузила — кибасы — именовался *кибáсник*, *кибасни́к* (Арх.). Чтобы рыболовная снасть приносила большой улов, вместо одного из кибасов к сети крепили обернутую тканью летучую мышь.

Прибалтийско-финское происхождение слова *кибас* и его вариантов несомненно, ср. карел. лив. *kives*, карел. *kiveš*, вепс. *k'ives*, фин. *kives* 'грузило на сети' (Kalima 1919: 116), фин. *kives*, карел. лив. *kiveš, kives*, люд. *kivez, kives*, вепс. *k'ives* 'грузило в сетях' (Suomen kielen 1958–1981, 1: 203), которые связаны по происхождению с фин. *kivi*, карел. лив. *kivi*, люд. *kivi*, вепс. *k'ivi, kivi*

‘камень’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 203). Колебание гласного первого слога в русских лексемах указывает на разные источники заимствования. Этимология слова изложена в (Фасмер 1964–1973, 2: 227, 229; Аникин 1997: 286). Из русского лексема заимствована в коми: *кибас* ‘грузило в неводах’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 151; Сорвачева, Безносикова 1990: 173). Калькой (буквальным переводом) прибалтийско-финских лексем является севернорусское *камешок* (грузило из глины или камней на нижней тетиве невода или других рыболовных снастей) (Арх.; Влг.), чаще используемое в формах множественного числа — *кámешка* (Влг.), *кámешки* (Арх.), *камешки́* (Арх.; Влг.). Тетива невода, к которой подвешиваются грузила, обозначается *кáменная тетивá* (Арх.).

Более редким является заимствованное наименование *кáчерга* (груз, привязанный к рыболовной сети в качестве якоря, метка у рыболовной сети, представляющая собой дощечку или небольшой шест, привязываемые к камню-грузу) (Влг.). Прямое соответствие для этого слова обнаруживается в вепс. *kačarg, kačerg* ‘подколенная ямка’ (Зайцева, Муллонен 1972: 164). Перед нами метафора, свойственная народной терминологии.

Вторично значение «глиняное грузило у невода» у лексемы *кúглиши* (Влг.): слово заимствовано из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *koukku* ‘крюк, крючок’, ‘крючок’ (*panna mato kuukkuun* ‘насадить червяка на крючок’, *puutää koukuilla* ‘ловить на перемет’, *tarttua koukkuun* ‘попасться на удочку, клюнуть’) (Вахрос, Щербакова 2002: 266). Финское слово *koukku* имеет соответствия в родственных прибалтийско-финских языках: карел. лив. *koukku*, люд. *kouk̄, koukku*, вепс. *kouk, kūk* ‘крючок’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 225–226). Поскольку при креплении крючка на леску выше крючка надевается утяжеляющий элемент, произошел перенос с названия крючка на грузило.

Помимо неводов и рыболовных сетей, широкое распространение на Европейском севере России получили плетеные и сетевые рыболовные ловушки. Прибалтийско-финские корни у *катиска* (вид рыболовной снасти) (Влг.), ср. фин. *katiska* ‘закол’, ‘ловушка (для рыб), котец’ (Вахрос, Щербаков 2002: 205), которое, в свою очередь, заимствовано из др.-русск. *котыць* ‘клетка’, русск. *котцы́* ‘рыболовная ловушка’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 170). Финское слово послужило также источником швед. диал. *katsa*, древнешвед. *katiza* (Suomen kielen 1958–1981, 1: 170). Для прояснения происхождения *кинъга, киньгá, кингá, кингú, кинéжска, кинигá* (рыболовная снасть, вид верши) (Арх.) значимо описание реалии: «Перепрут канаву, оставят место для киньги. Киньга-то редкая такая из прутьев. Надо рыбе выйти, она и идет в кингу» (д. Астафьевская). Лексема имеет саамский источник: < саам. *kĩndas* ‘неподвижный, плотный’, *gid'das* ‘фиксированный, трудный для перемещения’, которые родственны фин. *Kiinteä*, карел. *kiindiä* ‘фиксированный, неподвижный, твердый’, лив. *kiind'ei* ‘плотный’, люд. *kiind'ed* ‘узкий, слишком тугой’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 191).

Плетенная из прутьев (ниток, проволоки) ловушка на рыбу носит название *кóрбус* (Влг.). Производным является *корбóшка* (нить, которой сшивают рыболовные сети) (Влг.). Лексема заимствована из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kärväs* ‘высохшее сучковатое дерево, используемое как подставка для просушки сетей’, эст. *kärbis, kärvas* ‘сучковатое дерево, на котором сушат горох, хлеб’, ‘вешала’, вепс. *kärbuz* ‘суковатая жердь для сушки сена, снопов и т. п.’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 262). Тот же источник происхождения у *корбáч, корвáч* (приспособление для развешивания невода) (Олон.) (Kalima 1919: 145; Фасмер 1964–1973, 2: 322). Этимология подерживается А. Е. Аникиным (Аникин 1997: 302).

Для лексического обозначения *кубáрь* (ловушка на рыбу, плетенная из прутьев) (Арх.), имеющего варианты с иной суффиксацией: *кубóша, кубóшка* (Влг.), а также этимологически родственных *кúбиши* (часть рыболовной снасти, где скапливается рыба), *кубéш* (чурбанчик, которым затыкают горло рыболовной снасти) (Влг.) источник нужно усматривать в прибалт.-фин.; ср. фин. *kuiri* ‘колпак’, ‘купол’, ‘свод’, ‘поплавок’ (Вахрос, Щербаков 2002: 279), фин. *Kuro*, карел. *kubo* ‘пучок, сноп (соломы, льна)’, люд. *kubuine* ‘маленький (соломенный) пучок’, эст. *kubu, kubo* ‘связка (соломы, дранки, хвороста)’, ливск. *ku'V* ‘пучок, кипа, связка’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 243).

Элементы *-р-* и *-ш-* в русских лексемах восходят к соответствующим суффиксам (*-r-*, *-š-*) языков-источников. Морд. эрз. *кубарь* (верша — рыболовная снасть, сплетенная из ивы) (Эрзянско-русский словарь 1993: 306) заимствовано из русского.

Из языка коми в русские диалекты пришли лексемы *кудья́нка* (ловушка на рыбу) (Влг.) (ср. коми *куд*, основа *кудй-* ‘короб (гнутый из луба)’, ‘лукошко’, соответствующее удм. *куды* ‘лукошко’, < общеперм. **kudi*, см. (Лыткин, Гуляев 1999: 144), *кулё́ма* (ловушка на рыбу) (Арх.; Влг.), *кулё́ш* (рукав рыболовной сети) (Арх.) (< коми *kulöm*, *kulem* ‘ловушка для рыбы, верша, мережа’ (Аникин 1997: 317), *кулём* ‘ставная сеть’, диал. *кулём*, *кулэм* ‘ставная сеть, мережа’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 179), которые возводятся к доперм. **kalim-* ‘сеть’, см. (Лыткин, Гуляев 1999: 145).

Прибалтийско-финского происхождения лексема *курдю́м* (ловушка на рыбу) (Влг.); ср. фин. *kurttu* ‘морщина, складка’, *kurtti* ‘морщинка’, ‘узел (нити)’, *kurtata* ‘собирать, собрать в сборки’, эст. *kurd* ‘морщина, складка’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 247). Обозначение связано с тем, что при изготовлении сетевое полотно ловушки с одного края стягивается в узел, в результате чего ловушка образует форму конуса. Фонетически сходное *курю́м* (ловушка на рыбу) (Арх.) имеет другой источник. Слово следует сопоставить с прибалтийско-финскими или саамскими данными, ср. фин. *kuru* ‘угол’, эст. *kuru* ‘угол, уголок’, ‘узкий проход’, саам. норв. *gurrá* ‘углубление, дырка’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 247). Элемент *-м-* нужно рассматривать как словообразовательный суффикс (*-m-*).

Поскольку многие рыболовные ловушки имеют сетевое полотно, истоки лексемы *курёнь* (ловушка на рыбу) (Влг.) нужно усматривать в приб.-фин., ср. эст. *kurn* ‘фильтр, сито’, фин. *kuurna*, *kurna* ‘желоб, сток, канавка’, карел. *kuurna*, *kuurne* ‘то же’, лив. *kūru* ‘то же’, водск. *kurnān* ‘процеживание’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 251–252). Вставка *-é-* в сочетании согласных произошла в русском языке.

Наиболее распространенным среди названий каркасных снастей в диалектах Европейского севера России является рыболовный термин *ку́рма* (ловушка на рыбу) (Арх.; Влг.), в результате фонетического и словообразовательного варьирования представленный в комплексе вариантов: *ко́рма* (Влг.), *корму́шка* (Арх.), *ку́мрак*, *кумря́к*, *ку́рба* (Влг.), *курма́* (Арх.; Влг.), *ку́рмак*, *курма́к* (Влг.), *ку́рмочка* (Арх.), *курма́шка* (Влг.), *ку́рна* (Арх.; Влг.), *курна́*, *курня́шка* (Влг.), *ку́ромка* (Арх.), *ку́ротник* (Влг.). В употреблении рыболовов отмечены также *курма́* — отделение ловушки на рыбу — верши (Арх.), *курне́вище* — закол на реке, в который ставят ловушку на рыбу (Влг.).

Прибалтийско-финские истоки слова *ку́рма* несомненны, ср. фин. *kurma*, *kurtu*, *kuurtu* ‘вмятина, углубление, отверстие’, эст. диал. *kurt* ‘полость, пазуха’, ‘угол’, ‘уголок’, ‘залив’ (Suomen sanojen 1958–1981, 1: 449), фин. *kurma*, *kurtu*, *kuurta* ‘выбоина, углубление, дыра’, ‘зарубка, насечка’, эст. диал. *kurt* ‘бухта, заливчик’, ‘край, угол’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 246). В отношении форм с *-рн-* ср. также фин. *kuurna*, *kurna*, карел. *kuurna*, *kuurne*, лив. *kūru* ‘желоб, сток, канавка’, эст. *kurn* ‘фильтр, сито’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 251–252). Для понимания значения русских слов важно учитывать данные о конструкции рыболовной ловушки: рыболовная снасть *ку́рма* является круглой в сечении и имеет форму конуса, в который встроен воронкообразный вход. Благодаря описанной форме ловушки рыба, встретив препятствие на пути следования, может войти во внутреннее отверстие воронки, однако выплыть обратно, как правило, не имеет возможности. Этимологическое сопоставление см. в (Субботина 1978: 71; Кабинина 2002: 80–81).

Внешний корпус рыболовной ловушки (*ку́рмы*), сплетенный из еловых прутьев, носит название *кура́ж* (Арх.). Источник следует искать в субстратных (существовавших в прошлом, но исчезнувших) волжско-финских языках, ср. совр. мар. *куреж* ‘жерлица, острога (с 9–12 острыми шипами)’ (Марийско-русский словарь 1956: 248). Каркас *ку́рмы* так же, как и корпус жерлицы, состоит из 9–12 острых прутьев.

Конус входного отверстия плетеной ловушки на рыбу в диалектах Вытегорского района Вологодской области обозначается лексемами *кёрус*, *кёруса*, *кёракса*. Источник заимствования — прибалтийско-финские языки; ср. фин. *keru*, *kerus*, *kerustin* ‘пасть, горло, глотка’, карел. *keru*, лив. *keroi*, люд. *keru*, *keroi*, *keruoi* ‘то же’, *keruz* ‘раструб (охотничьей ловушки)’, вепс. *k’erus* ‘горло,

глотка', 'узкое место' (Suomen kielen 1958–1981, 1: 184). Анатомическая метафора реализовалась на прибалтийско-финской почве, ср. людииковские и вепские данные. Распространение слова свидетельствует о заимствовании из вепского.

В каркасе рыболовной ловушки имеется пара деревянных крюков, к которым крепится сеть — часть рыболовной снасти-курицы, называемые *копарёшки* (Влг.). По происхождению слово может быть связано с эст. *kopel*, *koppel* 'крюк', которое также является источником швед. диал. *koppel* 'маленький крюк' (Suomen kielen 1958–1981, 2: 217). Русская лексема отражает мену сонорных л/р, встречающуюся в севернорусских диалектах. Следует предполагать заимствование термина через профессиональную среду рыбаков.

Название плетеного из ниток сачка для ловли рыбы *кохán*, *кахán* (Арх.) с учетом значений *кохán* — берестяной заплечный короб, заплечный мешок (Арх.) следует сопоставить с эст. *kohane* 'годный', 'подходящий', *kohanemus*, *kohanemine* 'приспособление' (Тамм 1988: 182), фин. *kohennos* 'палка для перемешивания углей' (Suomen kielen 1958–1981, 2: 206).

Особая форма инструмента для плетения рыболовных сетей позволяет соотнести лексему *кия́* (инструмент для плетения рыболовных сетей — игла вытянутой формы, плоская, с отверстием в передней части и внутренним зубцом) (Арх.) с вепс. *kíiüž* 'ноготь, коготь', эст. *kíiis*, диал. *kíiise* 'ноготь', 'зубчик, зуб' (Suomen kielen 1958–1981, 2: 255). Приб.-фин. *ü* регулярно передается при заимствовании как русское *и*. В русском языке лексема по аналогии с *игла́* оформлена окончанием *-а* по женскому роду.

При плетении рыболовной сети используется также *ко́бла* (приспособление, предназначенное для вымеривания ячеек сети равного размера в виде рогатины из двух скрепленных веревкой через отверстия планок, которые раздвигаются на необходимое расстояние с помощью распорки) (Влг.). Слово может быть соотнесено с фин. *kopula* 'связка' (Вахрос, Щербаков 2002: 257) (< латин. *corula* 'бечевка, веревка, канат', 'постромка', 'ремень, привязь', 'застужка', 'абордажный крюк', 'соединение, связь, узы' (Латинско-русский словарь 2002: 201). Звонкий *б* в русском в соответствии с финским *p* и утрата гласного второго слога указывают на ранний характер заимствования.

Поплавки для удочек, помимо иных материалов, делали из перьев крупных птиц. При учете русск. диал. *косты́ш* (крупное перо из крыла птицы) (Словарь русских народных говоров 1979: 87) севернорусское *корд* (материал для изготовления поплавок) (Арх.) может быть возведено к коми *корд* 'костлявый' (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 164).

Редким в настоящее время архаическим орудием является острога, называемая в вологодских диалектах словом *киль*. Значение русского слова более четко проявляется через контекст: «Чиболдой рыбу бьют, ее килём называли, киль другой формы, подостренный» (д. Слободка). Лексема *киль* заимствована из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kiila* 'кол', эст. *kiil* 'пест, пестик ступки' (Suomen kielen 1958–1981, 1: 190), фин. *kiila* 'клин', 'шпонка' (Вахрос, Щербаков 2002: 226).

Рыба составляла основу рациона жителей Европейского севера России, о чем свидетельствует пословица «Какую рыбку наловили, таку и наварили» (Картотека СГРС), однако «специальных обрядов, направленных на увеличение улова, не производили. Соблюдалось только обычное правило отъезда на лов в потемках, пока еще деревня спит, чтобы избежать порчи от случайного взгляда. Чтобы «не обидеть водяного» (*водяника*), никогда не брали в озеро пирогов-рыбников, соленой или иной рыбы» (Логинов 2006: 115).

Охота на Европейском севере России редко носит активный характер, чаще она была пассивной, с использованием различного типа ловушек. «К коллективным способам охоты относились: охота на дикого оленя, на песца с загоном, на гусей во время их линьки; иногда практиковалась коллективная охота на морских животных. Индивидуально промыслили дикого оленя, песца, медведя, волка, морских животных и птиц» (Хомич 1995: 61).

На крайнем северо-востоке региона применяют *кинзэй*, *тинзэй* — аркан для ловли оленей (Арх.). Лексемы имеют саамское происхождение, ср. саам. *kⁱeD̄D̄z^é*, *kien^{t̄}t̄s^é*, *kien^{t̄}t̄s^e* 'узкий, тонкий' (Inkonen 1958: 115).

При охоте на крупного зверя (чаще медведя) сооружают ловчую яму — *кучум* (Влг.). Это обозначение может интерпретироваться при сопоставлении с мар. *кучалташ* ‘быть пойманным, задержанным, быть схваченным’, *кучалтмаш* ‘задержка’, *кучалтше* ‘пойманный, задержанный’, *кучаш* ‘ловить, поймать кого-что-либо’, *кучем* ‘рукоять, рукоятка, ручка’, *кучыкташ* ‘даваться (даться) в руки (о животных)’ (Марийско-русский словарь 1956: 251–253). Еще одно название ямы для поимки зверя — *кулём* (ловчая яма с приманкой на крупного зверя — медведя, волка) (Арх.; Влг.) — вторично по отношению к названию ловушки на зверя (см. ниже).

На Европейском севере России наиболее распространенным типом охотничьей ловушки является *кулём* — ловушка на зверя, сделанная из бревен, жердей или досок (Арх.; Влг.). Лексема имеет варианты формы *кулёка* (Арх.), *кулёма* (Арх.; Влг.), *кулёмка* (Арх.; Влг.). Источником заимствования является коми-перм. *kulem* ‘ловушка на зайцев’ (Аникин, 317), < доперм. **kalim-* ‘сеть’ (Лыткин, Гуляев 1999: 145). Лексема и ее варианты интерпретировались в (Kalima 1927: 27; Фасмер 1964–1973, 2: 409–410; Аникин 1997: 316–317). Ловушка настолько эффективна, что стала символом угрозы чего-либо плохого, несчастья, и это проявилось в выражении *в кулёму попасть* в значении «оказаться в опасной ситуации» (Арх.). В этнографических источниках имеется информация о том, что с помощью такой ловушки охотились также на песцов, горностаев и лисиц (Хомич 1995: 65–66).

Особую конструкцию имеет плетеная ловушка на глухаря — *куш* (Арх.). Название можно объяснить через саам. кольск. *kuodsi, kods* ‘мясо как приманка’ (Itkonen 1958: 167). Ловушка представляла собой плетеный короб с открытым широким отверстием в верхней части, поперек которого устанавливалась достаточно тонкая поврежденная перекладина. Внутри ловушки клали кусочки мяса, на который слетались и сползались различные насекомые. Поскольку насекомые являются основной пищей глухаря, привлеченный их обилием на мясном куске в ловушке глухарь садился на верхнюю перекладину, которая не выдерживала его веса. В результате птица проваливалась внутрь короба, однако из-за тесноты не могла выбраться обратно.

Спусковым механизмом в охотничьих ловушках, изготавливавшихся кустарным способом жителями Европейского севера России, обычно являлась небольшая палка, жердь. Этот элемент ловушки имел наименование *каляпка* (деталь приспособления, приводящего в действие механизм капкана на мелких зверей) (Влг.) и с возможным (в результате оканья) *-о-* в первом слове *коляпка*, *коляпочка* (деталь ловушки на птицу) (Влг.). Лексема имеет вепское (ср. вепс. *kaĺlak, kaljak* ‘обрубок жерди и т. п.’ (Зайцева, Муллонен 1972: 174) или саамское (с переходом из рыболовецкой терминологии в охотничью, ср. саам. *kallot, kallotak, kállutahka, kálDah, káldoh, kallaDah, kálláđa`k* ‘деревянный предмет, вокруг которого ячеи сети завязываются (запутываются)’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 152) происхождение. Коми *калябич, калябец, кальябич, калявич, кальявич* ‘кляп, кляпик (например, в ловушках, капканах, а также на чем-либо для застежки)’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 147) заимствовано из русского.

Охотничий промысел крупных животных производился не столько ради мяса (хотя оно служило ценным источником пищи), сколько в первую очередь ради добычи шкур.

Наименования шкур животных заимствованы из различных финно-угорских языков. Шкура с голени оленя, лося и других копытных животных (идушая на подбивку лыж, изготовление обуви, рукавиц) называется *калгá, колгá, колжá* (Арх.), а лыжи, подбитые шкурой с голени оленя или лося обозначаются *калги, калажённые лыжи, калóжаные лыжи, калóженые лыжи, коложённые лыжи, калóжины, калчённые лыжи, калыжённые лыжи, кальжёнки, кальжённые лыжи, канжённые лыжи, каньжённые лыжи, колжённые лыжи, колужённые лыжи, колыжённые лыжи* (Арх.). Источником наименования прибалтийско-финский или саамский; ср. фин. *kalhu* ‘кожей подбитые лыжи’, ‘правая короткая лыжа (для отталкивания)’, саам. *golás in sábekgolás* ‘большая длинная лыжа’, *kólas, kóls* ‘кожей подбитые лыжи’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 148). Саамские лексемы, по мнению Т. Итконена, заимствованы из финского (Itkonen 1931: 83), см. также: (Suomen kielen 1958–1981, 1: 148). Русские формы с *-о-* в первом слове либо саамского происхождения, либо восходят к исчезнувшему финно-угорскому источнику, либо представляют более древний характер заимствования,

см.: (Матвеев 1968: 121–126), либо отражают гиперкорректное (*o* вместо *a*) оканье. Вопреки Й. Микколе, считающему источником саамскую форму, Я. Калима возводит русское слово к прибалтийско-финским языкам (Kalima 1919: 99), см. также: (Фасмер 1964–1973, 2: 165; Suomen kielen 1958–1981, 1: 148).

Параллельным наименованием к *калгá* является севернорусское *кáмус* (шкура с голени оленя, лося и других копытных животных, идущая на подбивку лыж, изготовление обуви, рукавиц) (Арх.; Влг.). Слово широко распространено в различных вариантах: *кáлмус* (Влг.), *кáмас* (Арх.; Влг.), *камáс*, *кáмса* (Арх.), *кáмуз* (Влг.), *кáмыс* (Арх.; Влг.), *камьís* (Арх.; Влг.), *кáнус*, *кóмус*, *комúс*, *кóнус*, *конусá*, *кúмас*, *кумыís*, *кьямус*, *кьямусьé* (Арх.).

Кáмус традиционно широко использовался как для подбивки лыж, так и для изготовления прочей охотничьей амуниции: *кáмус* — лыжи, подбитые шкурой с голени лося, оленя и т. п. (Арх.) (в том же значении *кáмасы*, *камусá*, *камáсные лыжи*, *камусни́цы* (Арх.), *кáмусные лыжи* (Арх.; Влг.), *камусные лыжи*, *камусовые лыжи* (Арх.), *кáмусы* (Арх.; Влг.), *камусье*, *камьísá*, *кáнусные лыжи* (Арх.); *кáмасы* — рукавицы из оленьего меха (Арх.) (в том же значении *кáмасники*, *камáсницы*, *камашиники*, *камашиницы*, *камосницы*, *камошницы* (Арх.), а также *кáмусы*, *кáмусники* — обувь из шкур с голени лося, оленя (Арх.). Лексема *кáмус* заимствована из саам. *kámr̥s*, *kámas* ‘шкура с ног оленя’ (Itkonen 1931: 50–51). Коми *камьис* ‘камыс’, *йöра камьис* ‘лосиный камыс’, *камьиса лызь* ‘лыжи, подбитые камысом’ (Тимушев, Колегова 1961: 259) заимствованы из русского.

Вероятно, тот же саамский источник и у русск. *камáшии* — ботинки (чаще всего кожаные, со шкурками или вшитыми по бокам резинками) (Арх.; Влг.), сапоги с обрезанными голенищами, в которых обычно ходили дома (Арх.; Влг.), обувь, сплетенная из лыка или бересты (Арх.), старая изношенная обувь (Арх.; Влг.), *камáшики* — обувь без задника, наподобие босоножек, *камáшки* — ботинки (чаще всего кожаные, со шнурками или вшитыми по бокам резинками), *камáша* — неопрятная женщина (Влг.). Из русского происходят коми *камашии*, *камаши*, *камоши* ‘ботинки’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 147). Этимология предлагалась в (Itkonen 1931: 50–51; Фасмер 1964–1973, 2: 172; Аникин 1997: 245).

Коми происхождение (ср. *кыс* — шкура с ноги животного (лося, лошади, оленя), обувь из этой шкуры (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 189) < общеперм. **küs*’- ‘шкура с ног животного’ (Лыткин, Гуляев 1999: 154); этимологию см.: (Фасмер 1964–1973, 2: 239; Лыткин, Гуляев 1999: 154; Матвеев 1959: 27–28; Аникин 1997: 344) обнаруживается у русских *кыс*, *кысы́*, *кисá* — шкура с ног животных (оленя, лося, коровы, теленка и т. п.) (Арх.). В лексике охотников *кысы́* — лыжи, подбитые шкурой с ног оленя или лося, а также собачьей шкурой, рукавицы из собачьей шкуры мехом наружу (*кисанки*, *кысовки*, *кысолки*) (Арх.), зимняя обувь, сшитая из шкуры с ног животных, кожаная обувь, надевавшаяся поверх валенок при ходьбе на лыжах, *кысá* — кожаный мешок, *кисюшка* — застежка охотничьей сумки (Арх.). Охотники шутливо в разговоре *кыса́ми* называют ноги человека (Арх.) и используют выражение *кысы́ протяну́ть* в значении «умереть» (Арх.), являющееся буквальным переводом с коми *омелик сёян вылад регид кыстэ нюжедан* — «на плохой пище скоро ножки протянешь (умрешь)» (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 189).

Для сушки кож применяли складное приспособление — *кайба́н* (Влг.), которое представляет собой укрепленную на стойках деревянную узкую раму. Лексема имеет прибалтийско-финское происхождение; ср. фин. *kaivospuu* ‘деревянная крепь’, *kaivospaalu* ‘рудничная стойка, рудостойка’ (Ягодкин 1996: 87), производное от фин. *kaivaa* ‘сверлить, просверлить, высверлить’, ‘проточить, продолбить’ (Suomen kielen 1958–1981, 1: 144).

Шкуры животных использовались для подбивания охотничьих лыж, для того чтобы лыжник мог идти по снежной целине, не проваливаясь в снег, подниматься на заснеженные возвышенности без соскальзывания вниз. В диалектах Пинежского района Архангельской области лыжа, подбитая шкурой с ног лося, именуется *кúхта*, *кúхтома* (Картотека СГРС). Это наименование связано с коми *туктыны*, *туктíни* ‘бухнуть, набухать, набухнуть, разбухать, разбухнуть, волгнуть (от сырости)’ (Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 380), *туктыны* ‘набухать, набухнуть, разбухнуть’, ‘застрять, не сниматься (о туго надетом кольце)’, *ödzöсыс туктöма да об вöссьы*

‘дверь разбухла и не открывается’ ~ ? удм. *туктаны* ‘застрячь (наверху)’, *tuptal-* (= ? *tuktal-*) ‘удержаться’, *ken'er-pič vilin līm̄ iz tupta* ‘на изгороди снег не может удержаться’, восходящими к общеперм. **tukt-* ‘удерживаться, застревать, слеживаться, пребывать в одном положении’ (Лыткин, Гуляев 1999: 285).

Иной тип лыж — короткие и широкие охотничьи — известны под названием *кунда* (Арх.): охотничье значение, по-видимому, вторично к «зимняя самодельная обувь», отмеченному у *кунты* (Арх.), которое заимствовано из саам. *konDex̄, konDex̄s̄, koDDēk̄, kōDDēk̄* ‘камысы, койбеницы, койбенки’ (обувь из койбы — шкурки с оленьих или коровьих ног) (Koltan ja kuolanlapin 1958–1981, 1: 139), то же значение имеет *kōnte-kām̄* (Itkonen 1958: 138) при *kon̄t̄ē, kon̄t̄ēs̄, koDDē, koDDēs̄* ‘олень’ (Itkonen 1958: 138). Предмет был настолько значимым, что его название стало основой переносного словосочетания *задпередняя кунда* в значении «человек, легко меняющий свое мнение, отступающий от своего слова» (Арх.).

Для передвижения на лыжах использовали обувь с креплением для лыж — *кеньки* (Арх.). Лексема производна от *кенька* (кусочек кожи, пришитый к носку валенка для прикрепления валенок к лыжам) (Арх.), восходящего к приоб.-фин., ср. фин., карел. *kenkä* ‘обувь, сапог’, ‘подкова’, люд. *keŋg* ‘сапог’, вепс. *keŋg* ‘обувь, сапог’ (Suomen sanojen alkuperä 1992–2000, 1: 343; Suomen kielen 1958–1981, 1: 181). Этимологию обосновал Я. Калима (Kalima 1919: 111), см. также: (Фасмер 1964–1973, 2: 223; Аникин 1997: 283).

Короткая и широкая охотничья лыжа, не подбитая оленьей шкурой, имеет в диалектах название *конда* (Арх.) с вариантом *койда* (Арх.), заимствованное из саам., ср. совр. *goaŋ'ko* ‘кривое дерево’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 215). Значение «лыжа», вероятно, развилось в древности на базе компонента «кривой»: для технологии изготовления лыж необходимым условием являлся подбор дерева с изгибом древесного волокна в стволе.

На широкую лыжу охотники устанавливали деревянный короб, который использовали для транспортирования продуктов и снаряжения — *керёжа, керёжи* (Арх.). Иной вариант конструкции — санки в виде долбленной или плетеной лодки для вывоза добычи охотника или рыбака по снегу, называется *керёжа, керёжка* (Арх.). Конструкция является саамской (см.: Itkonen 1931: 52; Kalima 1919: 113; Фасмер 1964–1973, 2: 234; Сало 1966, 15–16), ср. саам. *kèrjes̄* (род. п. *kèrjes̄, kèrjes̄*), кильд. *kieres̄* ‘открытые сани в виде лодки, лопарские сани’ (Itkonen 1958: 108; Lehtiranta 1989: 48–49). Реже использовали *кан* — заплечный короб (первоначально были самодельными из бересты, сейчас покупаются фабричные, сделанные из жести) (Арх.). Лексема соотносится с коми *кан* ‘ловушка, западня’ (Тимушев, Колегова 1961: 259; Жилина, Сахарова, Сорвачева 1961: 147). В русской традиции сходный с ловушкой предмет именуется той же лексемой.

Одним из обязательных элементов экипировки охотника была *кухарка* — зимняя шапка с длинными ушами (Арх.) ((саам. *kuoose* ‘летний щенок бобра’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 23), *kūõDž̄^A, kūõBDž̄^A, kuõBDž̄^A, kūõBDž̄^A, k̄im̄t̄s̄^(A), kumtsha* ‘медведь’, ‘зверь’ (Itkonen 1958: 180), из которого заимствовано также фин. *kuoksa* ‘летний щенок бобра’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 239). Бобровые шапки всегда ценились не только из-за красивого внешнего вида, но и из-за износостойкости (мех бобра стоит на втором месте по износоустойчивости), непромокаемости. При выполнении долгих лесных работ поверх меховой шапки надевали суконный колпак — *конак*: «Поехал в лес — башлык или конак надел, в шапке одной холодно» (д. Конанцево). Согласно имеющейся информации, традиция заимствована у прибалтийско-финских народов, ср. фин. *kone* ‘изгиб, извилина’, ‘сгиб, загиб’ (Suomen kielen 1958–1981, 2: 214).

В заключение исследования традиционных технологий и предметов промысловой деятельности, созданных коренными народами и русским населением Европейского севера России и отраженных в русском языковом сознании, приведем используемое севернорусскими охотниками высказывание, которое воплощает значимость материального, предметного обеспечения промыслов: «Шел я в лес на *лыжтахта* (= на лыжах), видел я *барахтахта* (= медведя). Кабы не *лыжтахта* (= лыжи) и не *пухтахта* (= ружье), съела бы меня *барахтахта* (= медведь)» (д. Игнатовская) (Картотека СГРС).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. — Архангельская область (губерния)	мар. — марийский язык
вепс. — вепсский язык	морд. — мордовский язык
Влг. — Вологодская область (губерния)	норв. — саамский норвежский язык
водск. — водский язык	норвеж. — норвежский язык
доперм. — допермское слово	общеперм. — общепермский язык
др.-русск. — древнерусский язык	Олон. — Олонецкая губерния
карел. — карельский язык	приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
кильд. — кильдинский диалект саамского языка	русск. — русский язык
кольск. — диалект кольских саамов	саам. — саамский язык
коми — коми-зырянский язык	СГРС — Словарь говоров Русского Севера
коми-перм. — коми-пермяцкий язык	удм. — удмуртский язык
латин. — латинский язык	УрФУ — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
лив. — ливвиковский диалект карельского языка	фин. — финский язык
ливск. — ливский язык	эрз. — эрзя-мордовский язык
люд. — людиковский диалект карельского языка	эст. — эстонский язык

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ).

Аникин А. Е. Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Наука; Сиб. изд.-полигр. и книготорговое предприятие, 1997.

Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь / под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. М.: Русский язык, 2002.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ГИС, 1955.

Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1961.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972.

Кабинина Н. В. Заимствованные названия ловушек на рыбу в говорах Русского Севера. I // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 82–85.

Кочуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, 1982.

Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002.

Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999.

Марийско-русский словарь / сост. А. А. Асылбаев, В. М. Васильев, П. Г. Рыбакова и др.; Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск: б.и., 1959.

Матвеев А. К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера // Советское финно-угроведение. 1968. № 2. С. 121–126.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отделение Академии наук, 1885.

Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии: дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Словарь русских народных говоров. Т. 15. Кортусы — Куделюшки. Л.: Наука, 1979.

Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990.

Субботина Л. А. Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья // Этимология русских диалектных слов. Этимологические исследования. Вып. 1. Свердловск: УрГУ, 1978. С. 66–78.

- Тамм И. А. Эстонско-русский словарь. Таллин: Валгус, 1988.
- Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев; под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Хомич Л. В. Ненцы: очерки традиционной культуры. СПб.: Русский двор, 1995.
- Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова и др. М.: Русский язык, 1993.
- Ягодкин Н. Н. Финско-русский лесотехнический словарь (с указателем русских терминов). Таллин: ЛОРИС, 1997.
- Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958.
- Itkonen T. I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. Ser. B. Bd. XXVII. Helsinki, 1931. P. 47–65.
- Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne, XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima J.* Syrjänisches Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Iss. XVIII. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1927. P. 1–56.
- Lehtiranta J.* Yhteisaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osat 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958–1981.
- Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osat 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.

REFERENCES

- Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen. *Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. Series B, iss. XXVII.* Helsinki, 1931, pp. 47–65.
- Kabinina N. V. Zaimstvovannye nazvaniia lovshek na rybu v govorakh Russkogo Severa [Borrowed Names of Fish Traps in the Dialects of the Russian North]. *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke* [Finno-Ugric heritage in Russian]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2002, iss. 2, pp. 82–85. (In Russian)
- Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen.* Helsinki, 1919. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Iss. XLIV).
- Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen. *Finnisch-ugrische Forschungen.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1927, iss. XVIII, pp. 1–56.
- Khomich L. V. *Nentsy: Ocherki traditsionnoi kul'tury* [Nenets: Essays On Traditional Culture]. St. Petersburg: Russkii dvor Publ., 1995. (In Russian)
- Kochkurkina S. I. *Drevniaia korela* [Ancient Korela]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. (In Russian)
- Lehtiranta J. *Yhteisaamelainen sanasto.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
- Loginov K. K. *Etnokal'naia gruppya russkikh Vodlozer'ia* [Ethnolocal Group of Russian Vodlozerye]. Moscow: Nauka Publ., 2006. (In Russian)
- Matveev A. K. Ob otrazhenii odnogo finsko-russkogo foneticheskogo sootvetstviia v substratnoi toponimike russkogo Severa [On the Reflection of One Finnish-Russian Phonetic Correspondence in the Substratum Toponymy of the Russian North]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1968, no 2, pp. 121–126. (In Russian)
- Salo I. V. *Vliianie pribaltiisko-finskikh iazykov na severnorusskie govory pomorov Karelii* [The Influence of the Baltic-Finnish Languages on the Northern Russian Dialects of the Pomors of Karelia]. Candidate Dissertation of Philology. Moscow, 1966. (In Russian)
- Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M. *Udorskii dialekt komi iazyka* [The Udorsky Dialect of the Komi Language]. Moscow: Nauka Publ., 1990. (In Russian)
- Subbotina L. A. Zaimstvovannaia leksika v russkikh govorakh Prikem'ia [Borrowed Vocabulary in the Russian Dialects of the Prikem'e]. *Etimologiiia russkikh dialektnykh slov. Etimologicheskie issledovaniia* [Etymology of Russian Dialect Words. Etymological Research]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1978, iss. 1, pp. 66–78. (In Russian)

Submitted: 16.02.2023

Accepted: 18.05.2023

Published: 10.07.2023